

ОТНОШЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКИХ
ИМПЕРАТОРОВ VI в.
К КОНСТАНТИНОПОЛЮ:
К ОПЫТУ ИЗУЧЕНИЯ СТОЛИЧНЫХ
ЭПИТЕТОВ

В историографии политической истории ранней Византии существует основанное на данных литературных источников¹ устойчивое представление о целенаправленной деятельности императоров V–VI вв. (в первую очередь, конечно, Юстиниана I) по превращению Константинополя в истинно “царский” город, олицетворявший собою величие императорской власти. Типичным примером тому служат образцы столичного строительства, которое предпринималось будто бы почти исключительно на основании резонов, далеких от материальных потребностей растущего города². В данной связи, возможно, имело бы смысл рассуждать об особом, политически и идеологически окрашенном внимании ранневизантийского императора к “своей” столице, находившем воплощение в сфере городского благоустройства, в архитектурных формах, в обращении с населением столицы и во всем, что служило делу утверждения столичного статуса Константинополя и пропаганде имперской политической доктрины. Но для этого имеются хронологические ограничения, поскольку длительные усилия центрального правительства по имплантации в умы граждан империи и окружавших ее народов образа Константинополя сначала как главного города Восточной Римской империи, а потом и как столицы всей христианской ойкумены завершились более или менее успешно уже в конце V в.³, и в VI в. декларируемая императорская позиция в отношении него, уже ставшего и “царствующим” городом, и второй по значению после Рима патриархией, и обладателем огромного международного авторитета⁴, должна

¹ См.: *Fenster E.* *Laudes Constantinopolitanae.* München, 1968.

² Например: *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. II. СПб., 1996. С. 265–266; *Miller D.A.* *Imperial Constantinople.* N.Y., 1969. P. 25; *Evans J.A.S.* *The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power.* L.; N.Y., 1996. P. 16–41; *Ward-Perkins B.* *Constantinople, Imperial Capital of the Fifth and Sixth Centuries* // *Sedes regiae.* Barcelona, 2000. P. 66–73; *Whitby M.* *Pride and Prejudice in Procopius' Buildings: Imperial Images in Constantinople* // *Antiquite Tardive.* 2000. T. 8. P. 59–66; *Berger A.* *Konstantinopel, die erste christliche Metropole?* // *Die spätantike Stadt und ihre Christianisierung.* Wiesbaden, 2003. S. 69.

³ Об этом процессе см., например: *Козлов А.С.* О тенденциозности “Константинопольских консулярий” // *АДСВ. Византия и сопредельный мир.* Свердловск, 1990. С. 69; *Серов В.В.* Об официальных эпитетах ранневизантийского Константинополя // *Историческая роль Константинополя. Тезисы докладов XVI Всерос. науч. сессии византинистов.* М., 2003. С. 100–101; *Он же.* К проблеме формирования столичного статуса Константинополя // *ВВ.* Т. 65. 2006. С. 37–59.

⁴ Например: *Curpo Csaki L.* *A Mark of Sovereignty by Constantinople: CONOB on Western Coins in the Late Fifth and Early Sixth Century* // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 1. С. 256–257.

была приобрести иную, чем прежде тональность. Во-первых, в течение VI в. исчезает целое направление ранневизантийской политической пропаганды, в свое время создававшее Константинополю имидж единственной имперской столицы⁵. Теперь, с точки зрения престижа византийской власти, о столичном статусе этого города можно было упоминать лишь периодически – как о неотъемлемом элементе византийской конституции. Во-вторых, осознаваемые императорами задачи внутренней и внешней политики не предполагали в VI в. непосредственного участия образа Константинополя в их решении, и сам город имел в реализации имперских планов точно такое же значение, как и любой другой крупный населенный пункт страны.

По сообщениям тех же литературных источников, по всей Византии примерно с одинаковой интенсивностью велось строительство церквей, оборонительных сооружений и зданий общественного назначения. Столичный статус едва ли заметно сказывался на характере строительства в Константинополе: обширные политические планы Юстиниана изменили не столько качество, сколько количество городской застройки, при том, что для увеличившегося объема строительства имелись скорее физические, нежели идеологические основания в виде необходимости восстановления разрушений, ставших следствием пожаров и землетрясений. Меры по благоустройству столицы и внимание к “народу” Константинополя, вместе создающие впечатление о том, что императоры VI в. испытывали особое отношение ко всему столичному⁶, в действительности были данью античной еще традиции императорского эвергетизма, распространявшегося на все “римские общины”, а иногда могли быть продиктованы опасениями народного возмущения⁷. С формальной точки зрения Константинополь требовал большего к себе внимания как место пребывания императора, правительства и патриарха, однако создание комфортных условий для привилегированных жителей столицы не предполагало чего-то особенного в сфере идеологии. Императоры могли любить Константинополь или ненавидели его, но обязательные минимальные мероприятия в нем производили безотносительно к своим чувствам – в этом был общественный долг верховной власти. Поэтому то, каким было действительное отношение конкретного ранневизантийского императора к “городу Константина”, и в какой степени оно выступало за границы “обязательного минимума” императорских мероприятий в столице, можно увидеть, лишь изучая характеристики Константинополя, звучащие в законодательных памятниках. Прочие исторические источники способны охарактеризовать это отношение лишь косвенно⁸.

В императорском законодательстве VI в. отношение к Константинополю выражалось по-разному, однако наиболее ярким свидетельством эмоцио-

⁵Что проявилось, к примеру, в отказе от использования для этой цели специальных выпусков монет и жетонов; см.: *Bühl G. Constantinopolis und Roma. Stadtpersonifikationen der Spätantike. Zürich, 1995. S. 75–77.*

⁶*Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 394–395; Croke B. Justinian's Constantinople // The Cambridge Companion to the Age of Justinian. Cambridge, 2005. P. 67.*

⁷Об этом см.: *Серов В.В. Ранневизантийские эдикты к народу // Научные ведомости БелГУ. Серия история, политология, экономика. 2007. № 8. Вып. 4. С. 15–21.*

⁸См., например: *Fenster E. Op. cit. S. 20–131.* Э. Фенстер не привлекает данные ранневизантийского законодательства и потому упускает из вида немало официальных эпитетов Константинополя V–VI вв.

нального восприятия столицы византийскими императорами того времени следует признать не строительную активность, а эпитеты, которыми они ее награждали. Парадоксально, что официальные эпитеты Константинополя (и прочих городов империи), несмотря на свое значение для изучения внутренней политики ранней Византии, остаются предметом, в должной мере неисследованным⁹. Поэтому кажется возможным предложить в качестве самостоятельной темы рассмотрение таких эпитетов, встречающихся в законодательных источниках VI в. Частота использования одинаковых эпитетов, их разнообразие, контекст и время опубликования содержащих их документов позволят выявить действительные масштабы приязни каждого из императоров к Константинополю, а также значение этого субъективного фактора для проводимой ими политики.

Законодательство ближайших предшественников и преемников Юстиниана I из-за малого количества материала, пригодного для анализа в пределах избранной темы, представляет собой первоначальный уровень при оценке данных юстиниановского законодательства и предоставляет необходимую основу для сравнения с ним. Так, в законодательстве императора Анастасия I к названию Константинополя прилагался исключительно эпитет “царский”¹⁰. В настойчивом (хотя и не частом) повторении столь однозначного эпитета вполне отчетливо просматривается как позиция Анастасия по некоторым международным вопросам, так и его личное отношение к городу и городскому плебсу: императору крайне важно было подчеркнуть собственное значение обладателя царского достоинства, о котором он периодически и напоминал в издававшихся от его имени конституциях. В начале VI в. эпитет “царский” (*regia urbs*, βασιλεία πόλις) стал не только формальным признаком утвердившегося столичного статуса, но и субсидиарным средством повышения личного императорского авторитета в глазах столичных жителей. При этом Константинополь воспринимался на разных идеологических уровнях не только как столица Римской империи или постоянная императорская резиденция. Еще законодательство конца IV–V в. зафиксировало немало эпитетов, которые отражали многогранный характер города и его многоплановый образ, использовавшийся императорами при проведении внутренней политики. И практика риторического применения разных эпитетов Константинополя не могла не возобновиться после Анастасия, который свел ее к минимуму. Поэтому важная задача исследования – выявление максимального числа обнаруживаемых в конституциях VI в. эпитетов города и выяснение их значения для политики того или иного императора в определенные периоды его правления.

В законодательстве императора Юстина I все случаи использования эпитетов применительно к Константинополю имели место в первой поло-

⁹ В специальной литературе официальные эпитеты Константинополя заслуживали лишь упоминания в качестве яркой иллюстрации выдающегося положения города в жизни Византийского государства. См.: Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 110–111; Избранные новеллы Юстиниана / Вводная ст., пер. и коммент. В.А. Сметанина. Екатеринбург, 2005. С. 277; Fenster E. Op. cit.; Meier M. Das andere Zeitalter Justinians. Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung im 6. Jahrhundert n. Chr. Göttingen, 2003. S. 107; Croke B. Op. cit. P. 67.

¹⁰ C.J. 1.2.17: βασιλίδος πόλεως C.J. 8.53.32: regia urbs; C.J. 10.27.2: βασιλίδι πόλει.

вине 524 г.¹¹ Данный факт не покажется случайным, если учесть ряд сопутствующих ему объективных обстоятельств: 524 г. был одним из немногих лет почти полного затишья в международной жизни Византии, когда у правительства появилось время обратить более пристальное внимание на отдельные аспекты внутренней политики¹², предыдущие годы правления Юстина Старшего отличались высокой политической активностью константинопольского “народа”¹³. Поэтому именно в 524 г. столица не только обратила на себя внимание императора, но и, вероятно, предстала перед ним неким субъектом с индивидуальным, весьма капризным и требовательным нравом. Император назвал город “благодатным”, или “питающим” (*alma urbs* – C.J. 1.3.40); “священнейшим” (*sacratissima* – C.J. 2.7.26.2) и “царским” (*regia* – C.J. 6.23.23). В совокупности эти эпитеты должны были воспроизводить образ величественного места, предоставившего его обитателям честь проживать в нем и пользоваться императорскими благодеяниями, а взамен требующего уважения к себе и к тем, кто им управляет.

В условиях относительно спокойной жизни столицы при Юстине Младшем¹⁴ список известных эпитетов Константинополя был сведен в его законах к минимальному. В немногочисленных новеллах Юстина II отложилось не менее пяти случаев использования столичных эпитетов¹⁵, но только в одном из них (*Nov. Just.* 140) город назван “царским” (*βασιλῖδα*); во всех остальных он величался “счастливым”. Поскольку принято считать, что самостоятельное правление Юстина II продолжалось до 574 г., когда из-за болезни он был вынужден фактически передать власть в руки кесаря Тиберия Константина¹⁶, то приведенные эпитеты следует поделить между двумя этими императорами. Тогда получится, что использование по отношению к Константинополю эпитетов имело место в конституциях, опубликованных в первые годы правления как Юстина II (565–574), так и Тиберия Константина (574–582). Большинство ранневизантийских императоров в первые после интронизации годы (обычно не более пяти лет) проявляли повышенное внимание к изменениям политической обстановки внутри страны и в столице; это хорошо прослеживается, в частности, на примере ранневизантийских императорских эдиктов, адресованных “к народу”¹⁷. Поэтому использо-

¹¹ Из пяти конституций, датированных этим годом, три содержат упоминания о Константинополе (C.J. 1.3.40; 2.7.26; 6.23.23).

¹² См.: *Vasiliev A.A.* Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950. P. 255–342.

¹³ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 38–40; Козлов А.С. Политическая оппозиция правительству Византии в конце V в. // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С. 82–97.

¹⁴ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 303–304.

¹⁵ Правда, все они присутствуют в эпилогах законов, где упоминание столицы признавалось едва ли не обязательным: *Nov. Just.* 140 – 566 г.; *Nov. Just.* 149 – 569 г.; *Nov. Just.* 161 и 164 – 574 г.; *Nov. Just.* 163 – 575 г.

¹⁶ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 306–307.

¹⁷ Так, указы Феодосия I датируются началом 380 г., эдикты Феодосия II 415 и 416 гг. (что соответствует началу самостоятельного правления этого императора; см.: *Грант М.* Римские императоры. Библиографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э. М., 1998. С. 327), а соответствующие конституции Маркиана – 450 и 451 гг. Датировка прочих указов (кроме указов Юстиниана I) не сохранилась.

вание эпитетов Константинополя именно в первые годы правления можно связать со следованием той традиции, которая требовала каких бы то ни было знаков внимания императора по отношению к городскому населению. Минимум эпитетов объясняется относительным политическим затишьем в Константинополе во второй половине 60-х – первой половине 70-х годов VI в. и отсутствием у императора подлинного интереса к жизни в столице; по мнению правительства, константинопольцы были “счастливы”, а “царский” город соответственно был “счастливым”, или “блаженствующим” (εὐδαίμων).

Сравнение практики использования константинопольских эпитетов предшественниками и преемниками Юстиниана I приводит к выводу о том, что на протяжении большей части VI столетия существовал некий набор основных эпитетов, среди которых главное место отводилось следующим: “царский”, “священнейший” и “счастливый”. Подбор важнейших эпитетов оправдан теоретически: слово “царский” (regia, βασιλική) показывало место Константинополя в политическом ранжире субъектов империи и в остальном мире; понятие “священнейший” определяло положение византийской столицы в религиозной жизни христианской ойкумены¹⁸; эпитет “счастливый”, или “благой” (felix, εὐδαίμων), тесно связанный с первыми двумя, предназначался для описания идеального состояния константинопольцев, находящихся под опекой императора. Все прочие встречающиеся в законах определения столицы являлись смысловыми вариантами вышеназванных.

Приведенные примеры позволяют заметить, что использование эпитетов применительно к Константинополю не являлось совершенно отвлеченным от реалий словоупотреблением. Императоры применяли эпитеты тогда, когда это оказывалось необходимым по политическим соображениям, или же использовали без конкретного повода эпитеты, которые казались им наиболее выгодными для поддержания положительного имиджа города, в котором постоянно пребывал глава государства. Таким образом, в практике применения эпитетов имели место как признаки рационального подхода, так и автоматическое следование традиции.

В VI в. использование эпитетов опиралось на традицию, сложившуюся в IV–V вв., которая прежде всего определяла их ассортимент и последовательность в каждом отдельном случае. Во вторую очередь данная традиция диктовала время использования эпитетов: обычно это был либо начальный этап правления, либо период, когда правящий император по какой-либо причине обращал внимание на внутреннюю жизнь столицы. Необходимо отметить, что в ранневизантийской практике использования эпитетов традиционные формы преобладали над новшествами и были даже исключительными в правление того императора, который проявлял индифферентность по отношению к Константинополю, не выделяя его среди византийских городов, а заботился о его идеальном имидже как части собственного образа и условия своего политического благополучия¹⁹. Субъективное, заинтересованное отношение

¹⁸ См., например: *Anastos M.V. Constantinople and Rome. A Survey of the Relations between the Byzantine and the Roman Churches // Anastos M. Aspects of the Mind of Byzantium (Political Theory, Theology, and Ecclesiastical Relations with the See of Rome)*. Ashgate, 2001.

¹⁹ *Серов В.В.* К проблеме формирования столичного статуса Константинополя.

к столице и ее населению в значительной степени меняло набор, количество и время появления тех или иных вариантов эпитетов в законах. Рассмотренные выше примеры демонстрируют, говоря условно, интровертивный подход императорской власти к проблеме идентичности образа Константинополя. Слабо выраженное в законах личное отношение к городу свидетельствует либо о равнодушии (или скрываемом негативе) к нему, либо о пренебрежении (скорее неосознанном, нежели сознательном) данным способом идеологического действия, что, по сути дела, родственно проявлению равнодушия по отношению к “своему” городу. Для Анастасия I и для Юстина I Константинополь был скорее враждебен, ибо заставлял опасаться протекавших в нем политических процессов. Юстин II, очевидно, не задумывался всерьез над тем, какой отклик вызовет в городе внутренняя политика его правительства, и уделял общественной жизни столицы незначительное внимание. В целом практика использования эпитетов Константинополя в законодательстве императоров Юстина I, Юстина II и Тиберия Константина показывает, каким был обязательный минимальный уровень данной практики: теоретически она была необходима как проверенное временем небесполезное идеологическое средство, но в действительности существовали и использовались более существенные меры воздействия на народные массы столицы. Чтобы превратить практику использования эпитетов в нечто большее, чем неосмысленное следование традиции, императорам нужно было хоть в чем-то превысить минимальный ее уровень. Но интенсивное применение эпитетов предполагало заинтересованное отношение императора к столице и к ее повседневной жизни.

Уникальным образцом рассудительного отношения к теории и практике эпитетики в VI в. служат данные законодательства Юстиниана I. В законах Юстиниана насчитывается не менее десятка различных эпитетов Константинополя, но три из них безусловно лидируют по количеству: это определения “счастливый”, “царский” и “великий”. Прочие использовались гораздо реже, а некоторые эпитеты и эпитетные выражения являются единичными. В подобном разнообразии уже проявился неформальный личностный подход Юстиниана, и дальнейшее рассмотрение убеждает в том, что его отношение к проблеме использования эпитетов Константинополя опиралось на известный рационализм.

Самым многочисленным и, по-видимому, излюбленным у Юстиниана I определением столицы было выражение *ταύτη εὐδαίμων πόλις*. В законодательных актах периода его правления насчитывается около семидесяти случаев употребления этого выражения²⁰. Личная симпатия императора Юстиниана к термину *εὐδαίμων* обнаруживается не только в явном предпочтении его многим другим эпитетам, но и в своеобразной трактовке значения этого греческого слова. Позднеантичной традиции были известны эпитеты “счастливый” и “счастливейший”; последний применялся в качестве эпитета преимущественно римской столицы. Казалось бы, Юстиниан должен был воспользоваться обычным словоупотреблением, однако в его законодательстве греческий синоним традиционного *felicissima urbs* – *τανευδαίμων* – встречается лишь единожды (Nov. Just. 159, epil. – 555 г.), а его латиноязычные

²⁰ Здесь и далее приводятся приблизительные цифры – результат авторских подсчетов.

конституции не содержат ни эпитета *felix*, ни эпитета *felicissimus*. В то же время в тексте Аутентики слово *εὐδαίμων* переводится то, как *felix*, то, как *felicissima*²¹, хотя последний вариант встречается чаще. Очевидно, Юстиниан вкладывал в полюбившийся ему греческий вариант определения “счастливый” более широкий смысл, чем это предписывалось традицией в отношении латинского слова “счастливейший”. Императора по каким-то причинам не устраивало в качестве определенного варианта перевода ни греческое *πανευδαίμων*, ни латинское *felix*. Вероятно, на выбор именно такой основной формы передачи эпитета (т.е. *εὐδαίμων*) оказало влияние решение Юстиниана сделать греческий язык государственным; греческий аналог латинского “счастливейший” показался императору тяжеловесным и неестественным в официальном тексте, написанном по-гречески; традиция в данном случае была подкорректирована, чему поспособствовало имеющееся сущностное различие между греческим словом *εὐδαίμων* и латинским словом *felix*. Дело в том, что в латыни оно обозначало счастье на основе в первую очередь материального благополучия, тогда как греческое слово обозначало ощущение счастья из-за незримого присутствия благожелательного божества²². Слабо различимый в речевом обороте нюанс имел значение для императора, который, пользуясь греческим эпитетом “счастливый” в отношении Константинополя, почти отказался от эпитетов, обычно обозначающих святость и высокий авторитет в церковной иерархии и могущих стать калькой традиционных латинских эпитетов такого рода. Так, обычное в прошлом определение города – *sacratissima* – было использовано единственный раз (в Nov. Just. 65,1 – 538 г.). Поиск удовлетворительного греческого эквивалента этого определения не принес заметных результатов: единичными остались попытки использования слов *ἱερός* (Nov. Just. 78,V – 539 г.) и *ἅγιος* (Nov. Just. 120, IX – 544 г.). На основании изложенного можно заключить, что традиционный эпитет “счастливейший” приобрел в конституциях Юстиниана помимо своего обычного смысла еще и значение “священный”. Посредством обновленного таким образом эпитета император обозначал такое “счастливое состояние” византийской столицы, которое выражалось не столько в физическом благосостоянии, сколько в приверженности ортодоксальному символу христианской веры.

Другим часто используемым эпитетом Константинополя был термин “царский”. В дошедших до нас законах Юстиниана I он попадает не менее шестидесяти раз. Употребление данного эпитета тоже отличают некоторые особенности, но на сей раз они показывают понимание императором необходимости придерживаться традиции как основы мероприятий в сфере идеологии. Так, количество случаев использования латинского термина *regia* значительно и по частоте немногим уступает греческому его эквиваленту (*βασιλῆς*). Юстиниан, видимо, не был однозначно привержен и к этому

²¹ Иногда и другими словами, к примеру, *maxima* (Nov. Just. 69); изредка греческое слово не сопровождалось в Аутентике каким-либо латинским аналогом (например, в интитуляциях Новелл 145 и 147).

²² Ср.: *Ernout E., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la Langue Latine*. P., 1939. P. 342 (*felix*); *Oxford Latin Dictionary*. Oxf., 1968. P. 684 (*felix*); *Pape W. Handwörterbuch der Griechischen Sprache*. Bd. I. Braunschweig, 1908. S. 403 (*εὐδαίμων*); *Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь*. М., 1991. С. 542 (*εὐδαίμων*).

эпиту²³, но предложенные им варианты первоначального, т.е. традиционного, эпитета никогда не появлялись в наиболее официальных, так сказать, частях конституций – в интитуляциях и в эпилогах, что свидетельствует в пользу того, что Юстиниан в отношении данного эпитета сдерживал присущее ему пристрастие. Его стремление в большей мере следовать традиции вполне объясняется однозначностью понятия “царский”; любое изменение смысла едва ли было желательным для императорской власти. Поэтому личностный подход к эпиту “царский” проявился в меньшей степени, чем в практике использования эпитета “счастливый”.

Третьим по частоте применения в законах Юстиниана I эпитетом Константинополя (более 20 случаев) оказался термин “великий” (в выражении ταύτη μεγάλη πόλις). Практика его использования во многом сходна с порядком использования рассмотренного выше эпитета “царский”, отличаясь лишь меньшим количеством и непостоянством формы латинского эквивалента в тексте Аутентики. Действительно, ранневизантийская традиция столичных эпитетов предполагала употребление прилагательного “величайший”, тогда как Юстиниан в своих конституциях пользовался исключительно греческим словом, соответствующим латинскому magna, а не более распространенному maxima. А в аутентичном переводе Новелл попеременно применялись оба латинских определения²⁴. Имеется и еще один замечательный факт нарушения позднеантичной официальной традиции употребления эпитетов: Юстиниан называл великими, наряду с Константинополем, и другие города – Кесарею Каппадокийскую (Nov. Just. 30, pr.), Александрию (Nov. Just. 7, VIII; 85, III.1; Ed. Just. XIII) и Рим (Nov. Just. 25, pr.). По-видимому, данный эпитет приобрел в правление Юстиниана свойства неперменного определения к действительно великому (по собственной шкале императора) городу. Сложно решить, почему Константинополь лишился во второй трети VI в. эпитета “величайший”, который он не без труда обрел в предшествующую эпоху, но вызванное этой утратой понижение идеального статуса столицы произошло благодаря Юстиниану Великому и, пожалуй, не было лишено рациональных оснований.

Можно предположить, что юстиниановская городская эпитетика не была прямо связана с изменениями политической обстановки в Константинополе; в гораздо большей мере она в субъективированной форме выражала самые общие задачи идеологии императорской власти. Методика применения эпитета “великий” позволяет увидеть механизм действия субъективного начала в практике использования эпитетов в VI в.

²³ В законах встречаются несколько вариантов выражений с использованием слова «царский»: наиболее типичный вариант — выражение ταύτη βασιλις πόλις (например: C.J. 4.20.16.3–527 г.; Nov. Just. 3, pr. – 535 г.; 113, I – 541 г.; 159, pr. – 555 г.); но часто оно приводится без ταύτη (Nov. Just. 123 – 546 г.; 127, II–548 г.; 131, pr. – 545 г.); несколько раз к этому выражению добавлялось слово ἡμὸν (“наш”): C.J. 1.4.34.13 – 534 г.; Nov. Just. 3, I – 535 г.; 42, III.1 – 536 г.; 80, pr. – 539 г. Известны также редкие случаи замены слова βασιλις словом βασιλειος (C.J. 1.1.7 – 533 г.; Nov. Just. 6, VIII – 535 г.; 38, pr. – 536 г.). Наконец, в латинском варианте данного выражения (haec regia urbs) вариациям подвергалось слово, обозначающее “город” (urbs/civitas; ср.: haec regia urbs: C.J. 7.63.5; 1.4.28; 1.1.8; Nov. Just. 23, III; haec regia civitas: C.J. 2.55.5; 8.10.13; Nov. Just. 75).

²⁴ Ср., например: Nov. Just. 47, I: magna; Nov. Just. 47, epil.: maxima.

В период правления Юстина I определение “великий” применительно к Константинополю не встречается. В единственной из конституций, изданных от имени Юстина и Юстиниана, где употребляются какие-либо эпитеты Константинополя, столица названа “величайшим городом”²⁵ – это уникальный случай для всего VI в. (латинские термины в Аутентике в данном случае не в счет). Он позволяет проследить, как Юстиниан, еще только осваивавшийся на троне византийских автократов, примерял к себе традиционные методы официальной идеологии и риторики. И тогда же, в конце 20-х годов, император отверг эпитет “величайший” в греческом его воплощении: с начала 30-х годов в официальной эпитетике начинает свое существование выражение *ταύτη μεγύλη πόλις* (C.J. 1.4.30.3 – 531 г.). Юстиниан отнюдь не мог с позиций имперской идеологии вовсе отвергнуть слово “великий” при упоминании Константинополя, но именовать его “величайшим” он не желал, по-видимому, из-за неприязни к массе его населения. Пренебрежительность проявлялась время от времени в актах императора, касавшихся плебса (к примеру, в тексте новелл, адресованных константинопольцам), но не была перенесена на официальный образ Константинополя, культивируемый в правление Юстиниана. Возможно, определение “этот великий город” указывало не только на величие, присущее столице империи, но и на физические ее параметры. В этом смысле Константинополь, конечно, мог бы сравниться и с Александрией, и с Кесареей – одним из крупнейших тогда городов Ближнего Востока²⁶.

Использование эпитета *μεγύλη* было, по-видимому, продиктовано более определенными политическими или идеологическими обстоятельствами в отличие от более общих принципов, лежавших в основе употребления эпитетов “счастливый” и особенно “царский”. Прежде всего заметны большие перерывы во времени опубликования указов, содержащих эпитет “великий”; они группируются по следующим периодам: 531 г., вторая половина 30-х годов, конец 40-х годов, вторая половина 50-х годов. В те же самые периоды осуществлялись и наиболее известные административные преобразования Юстиниана I. Новеллы, в которых использовано выражение “этот великий город” применительно к Константинополю, также посвящены различным административным вопросам²⁷. Достоин упоминания и то обстоятельство, что почти во всех этих конституциях (кроме, пожалуй, двух или трех) вместе с эпитетом *μεγύλη* присутствуют другие эпитеты – чаще всего, конечно, “царский” и “счастливый”. Кроме того, почти во всех перечисленных новеллах наличествует прямое или явно предполагаемое сравнение “великого” Константинополя с другими городами, а также с общинами, деревнями, “местами” или провинциями. Посредством данного эпитета подчеркивался политический масштаб города Константинополя в мире, состоящем из разных административно-политических единиц, менее величественных, чем столица империи. Законодатель избегал помещать рядом Константинополь и

²⁵ C.J. 1.5.12.21–22: *τῆς μεγίστης ταύτης πόλεως*.

²⁶ *Expositio totius mundi et gentium*, 26: *Iam etiam et Caesarea... dispositione civitatis in multa eminens*.

²⁷ По-видимому, есть смысл представить полностью список этих новелл: Nov. Just. 8, XIV; 13, I.2; 14, pr.; 17, XVII – 535 г.; Nov. Just. 47; 53, IV; 58, pr. – 537 г.; Nov. Just. 66, epil. – 538 г.; Nov. Just. 80; 82, VI; 88, II; 89, II.3; 90, IX; 133, I – 539 г.; Nov. Just. 127, epil.; Ed. Just. VIII, cap. 1, 3 – 548 г.; Nov. Just. 159, pr. – 555 г.; Ed. Just. XI, pr. – 559 г.

те города, которые он иногда обозначал словом “великий”; их величие было в его глазах одномерным – физическим, историческим или конкретно-временным. Таким образом, по Юстиниану, Константинополь не нуждался в эпитете “величайший” по причине как отсутствия достойного предмета сравнения с ним, так и наличия в нем самом причин не считать его таковым. Здесь можно констатировать ярко выраженный индивидуальный подход Юстиниана при использовании отдельных столичных эпитетов. В то же время благодаря Юстиниану Константинополь сохранил за собой право на эпитет, выражавший его величие. Взятые вместе все эти замечания указывают по крайней мере на неравнодушное отношение императора Юстиниана к Константинополю.

В законах Юстиниана I присутствуют и другие эпитеты Константинополя. Их разнообразие и малочисленность в сравнении с тремя основными эпитетами создают дополнительное впечатление целесообразности и целенаправленности их подбора императором. Конечно, одной из причин тому послужил своеобразный характер Юстиниана, в частности его известная склонность к украшательству обыденных явлений. Однако заметно и то, что в процессе “примерки” эпитетов к Константинополю император почти не выходил за пределы того терминологического ряда, который выстроился в течение IV–V вв. Юстиниан будто выбирал эпитеты из уже имеющегося списка. Хорошим предметом для сравнения константинопольских эпитетов эпохи Юстиниана является аналогичная практика периода правления Феодосия II, когда разнообразие эпитетов достигло расцвета. Оказывается, император Юстиниан, несмотря на присущую ему фантазию, не превзошел Феодосия Младшего в разнообразии применяемых к Константинополю эпитетов. Так, Юстиниан воспроизвел, кроме выше рассмотренных основных, такие эпитеты, как “знаменитый”²⁸, “изобильнейший”²⁹ и “великолепнейший”³⁰. К существовавшему списку эпитетов Юстиниан добавил своего только “добрый” (ἀγαθός – Nov. Just. 80, V. 1 – 539 г.), при этом оставив без внимания такие уже использовавшиеся в качестве эпитетов столицы и весьма интересные в этом качестве прилагательные, как “августейший”, “вечный” и “обширнейший”. Отмеченные нюансы свидетельствуют о том, что Юстиниан не просто пересматривал перечень известных эпитетов, но искал наиболее подходящие для него эпитеты столицы. Основные эпитеты он определил достаточно быстро; трех вполне хватало на то, чтобы описать образ Константинополя, сложившийся в голове Юстиниана. Прочие эпитеты использовались при случае, когда возникала потребность украсить текст закона или подчеркнуть контекст.

Оценивая практику константинопольских эпитетов в VI в., необходимо сделать следующие выводы. Все императоры пользовались эпитетами применительно к главному городу империи – Константинополю. В целом применялся традиционный набор из определений, утвердившихся до конца V в.; относительным новшеством для VI в. стало использование эпитетов по-гречески, которые, за исключением определения “царский”, не сделались “калькой” традиционных латинских эпитетов, а приобрели новый смысл. Именно

²⁸ C.J. 1.2.22; 4.21.18 – 529 г.; ср.: C. Th. 16.5.58 – 415 г.

²⁹ C.J. 1.53.1 – 528 г.; 5.70.7 – 530 г.; 3.1.15 – 531 г.; Nov. Just. 36, 4 – 535 г.; ср.: C. Th. 6.30.24 – 425 г.; 7.8.15 – 430 г.

³⁰ C.J. 1.17.2 – 533 г.; ср.: C. Th. 15.1.51 – 413 г.

использование греческих определений позволило императору Юстиниану расширить смысловой ряд стандартных эпитетов Константинополя.

Для большинства императоров VI в. эпитеты Константинополя служили одним из идеологических средств поддержания минимального уровня стабильности во взаимоотношениях императора и населения этой императорской резиденции. Предполагалось, вероятно, что привычные эпитеты вызывали определенный психологический настрой у “народа” и что традиционного их набора было достаточно для формирования позитивного во всех отношениях образа имперской столицы. Лишь Юстиниан I приблизился к вопросу создания городского имиджа творчески, с помощью эпитетов попытавшись конструировать образ Константинополя. Созданная Юстинианом идеологическая конструкция отражала в значительной степени личное, психологически рефлексированное, отношение императора к городу, а также его представление о месте Константинополя в тогдашнем политическом мире. В основе этой конструкции осталось базовое понятие “царского города”, ставшее традиционным к началу VI в.; прочие традиционные эпитеты подверглись рациональной корректировке и заняли отведенные им места в юстиниановской модели образа столицы.

В соответствии с представлениями Юстиниана Константинополь являлся городом, в котором постоянно находился византийский император; он был второй после Рима христианской метрополией и городом с привилегированным населением; наконец, он был крупным населенным пунктом. В совокупности все эти черты делали Константинополь выдающимся городом мира. Но личное отношение Юстиниана к Константинополю не было столь однозначным, и для императора город не мыслился чем-то действительно выдающимся: только присутствие в нем особы автократора придавало городу особое значение, а все остальные его свойства, отраженные в эпитетике, скорее уравнивали его с рядом прочих городов, нежели его выделяли.

Продуманная юстиниановская конструкция образа Константинополя при всей логичности была все же весьма субъективной и потому не имела шансов прижиться в политической идеологии преемников Юстиниана, которые предпочли пользоваться минимальным стандартным набором эпитетов столицы.